

Научная статья
УДК 94(47+57):378.4
doi: 10.17223/19988613/99/9

Просветительская деятельность советских классических университетов: переоценка роли

Виктор Владимирович Расколец

Томский государственный университет, Томск, Россия, predator-101@mail.ru

Аннотация. На основе нормативно-правовых актов, делопроизводственной документации, периодической печати и материалов интервью конструируется просветительская деятельность советских классических университетов (условия осуществления, цели, формы, характер участия, результаты). Концептуальной основой исследования стала теория «третьей роли» высшей школы. Делается вывод, что советская система просвещения кардинально отличалась по целям, охвату и способам достижения от имперской, и это отразилось на специфике деятельности советских классических университетов, которая была вписана в новые рамки.

Ключевые слова: советский университет, просвещение, просветительская деятельность, «третья роль», всесоюзное общество «Знание», народные университеты

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048 «Разрывы и преемственность в истории российских университетов. XVIII–XXI века».

Для цитирования: Расколец В.В. Просветительская деятельность советских классических университетов: переоценка роли // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 79–88. doi: 10.17223/19988613/99/9

Original article

Enlightenment activities of Soviet classical universities: a valorization of the role

Viktor V. Raskolets

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, predator-101@mail.ru

Abstract. The enlightenment activities of the Soviet classical universities are constructed on the basis of normative legal acts, office documents, periodicals and interview materials. Moscow, St. Petersburg, Kazan, Tomsk, Saratov, Perm universities are studied. The conceptual basis of the research is put forward – the "third role", which is understood as the totality of all university activities aimed at meeting the needs of society outside the academic environment. The author emphasizes the difficulty of distinguishing the concepts of "enlightenment" and "education", which are synonymous for most contemporaries of the events. The definition of enlightenment activity is put forward – the dissemination of knowledge, skills, experience, ideas and cultural values carried out outside the framework of educational programs. The conditions, goals and nature of enlightenment activities in the pre-revolutionary and Soviet periods are investigated. It is noted that the imperial universities had a fairly narrow range of listeners, there was practically no ideologization in the materials of the lecturers, and participation in public education was voluntary. Soviet universities, on the other hand, focused on a mass audience, combined the popularization of knowledge and the promotion of socialism at the goal level, and participation in the activities themselves by the teaching staff was mandatory. Universities have become an integral part of the new system, where educational activities as a type of practice were institutionalized already in the first standard charter (1921). The forms and results of enlightenment activities are investigated. It is emphasized that the forms in which the education of the population was carried out were quite "formulaic" for all classical universities: lecture halls, Sunday universities, cells of the public organization «Znanie», public universities. It is stated that Soviet universities were indispensable and active participants in enlightenment activities, responding to all requests from the authorities during the most difficult and crisis periods of history.

Keywords: Soviet University, enlightenment, enlightenment activities, "the third role", All-Union public organization "Knowledge", community universities

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 23-18-00048 "Discontinuities and continuity in the history of Russian universities. XVIII–XXI centuries".

For citation: Raskolets, V.V. (2026) Enlightenment activities of Soviet classical universities: a valorization of the role. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 79–88. doi: 10.17223/19988613/99/9

Актуальность и постановка проблемы

Аренд Зомер и Пол Беннуорт в статье “The Rise of the University’s Third Mission” [1] описали зарождение «третьей миссии» в западноевропейских университетах, а также продемонстрировали этот процесс на примере университетов в Нидерландах. Он раскрывается ими как более тесная ориентация нидерландских университетов (в условиях нехватки государственного финансирования, коммерциализации научных разработок, меняющегося характера производства знаний) на потребности общества. Большое значение стал играть потенциал конкурентоспособности университетов, девизом которого стал «настоятельный императив полезности» (*urgent imperative of usefulness* [1]). Вместе с тем авторы указали, что нидерландские университеты всегда имели исторически сложившуюся общественную роль и на разных этапах по-разному отвечали на запросы со стороны государства и общества, а «третья роль» – это переосмысление (valorisation) данной роли в новых обстоятельствах с целью придания им большей ценности. Работа А. Зомера и П. Беннуорта не только в очередной раз актуализирует проблематику роли университета в жизни общества, но и показывает, как на разных этапах менялись запросы к ним.

Положение университетов в Советской России также демонстрирует пример изменений запросов со стороны государства и общества и переоценки их роли. Университеты как центры средоточия наиболее квалифицированных лекторов и исследователей не могли не получить особого внимания в деле воспитания нового, «советского человека». При этом дореволюционные практики университетов в области просвещения неизбежно должны были подвергнуться коренной реорганизации в новой системе. Однако просветительская деятельность советских классических университетов рассмотрена в историографии фрагментарно¹. Преимущественно она представлена исследованиями отдельных университетов в определенные периоды или же сосредоточена на отдельных формах организации просвещения, видах просветительской деятельности в СССР.

Данная же статья имеет своей целью конструирование устойчивой картины участия классических университетов в просветительской деятельности на протяжении советского периода. Ключевое внимание предполагается уделить видам и формам, целям и результатам деятельности классических университетов в области просвещения. В итоге будут выявлены ключевые особенности просветительской деятельности классических университетов советского периода в сравнении с дореволюционными годами.

Методология и теоретические рамки исследования

Концептуальной основой исследования является теория «третьей роли» высшей школы, согласно которой университеты наряду с подготовкой кадров («первая роль») и проведением научных исследований («вторая роль») осуществляют «третью роль», под которой мы понимаем *совокупность всех видов деятельности университета, направленных на удовлетворение по-*

требностей общества за пределами академической среды.

Просветительская деятельность относится к социально-культурной функции, осуществляемой университетом. Данная статья ориентирована на сравнительно-историческое и историко-генетическое исследование просветительской деятельности шести классических университетов, действующих на территории современной Российской Федерации: Московского, Санкт-Петербургского, Казанского, Томского, Саратовского и Пермского. Основанные в дореволюционный период, они имеют богатую традицию просвещения населения. Здесь работали выдающиеся лекторы, исследователи и общественные деятели, для которых просвещение общества представляло важную ценность.

Исследователь, изучающий просвещение с точки зрения концепции «третьей роли», наталкивается на конфликт понятий. В то время как ученый, в соответствии с теорией, ориентирован на исследование процессов «за пределами академической среды», современники зачастую не разграничивали понятия «просвещение» и «образование». Такая практика возникла еще в дореволюционной России и фиксировалась на уровне понятий. Созданное в 1802 г. Министерство народного просвещения (МНП) ведало не только низшими, средними и высшими учебными заведениями, но и осуществляло функции идеологического контроля и надзора. Советским преемником МНП стал Народный комиссариат просвещения, который не только обеспечивал управление сферой образования в классическом смысле, но и осуществлял контроль практически над всей культурно-гуманитарной сферой в стране [3. С. 107]. Образовательная и просветительская же деятельность не могли не перекликаться, поскольку просвещение было процессом приобщения к знанию, а большая часть населения империи была лишена доступа к элементарному образованию.

Практики отождествления образования и просвещения имели общее употребление, выходящее за рамки нормативной регуляции. Известный советский педагог А.С. Макаренко в работе «Народное просвещение в СССР» (1937) не только включает в результаты просвещения кампанию по ликвидации безграмотности, но и рассуждает в первую очередь об успехах подготовки школьников, учащихся техникумов и вузов: «...разнообразные курсы, школы ликвидации неграмотности и малограмотности, школы переквалификации, клубные кружки и т. д. ... детские дома, площадки и сады...» рассматриваются им в качестве «параллельного русла просвещения» [4]. В этих условиях особенно важно учитывать содержание понятия «просвещение» в различных источниках.

Опираясь на исследования В.В. Чеха, мы можем отметить, что ключевыми разделителями между образовательной и просветительской деятельностью являются степень свободы ее участников и гибкость организационных форм. Это может быть выражено в отсутствии какой-либо учебной документации или отсутствии «обязательной выдачи просвещаемым какого-либо документа, аналогичного документу об образовании» [5. С. 205]. Согласно же точке зрения О.Н. Пычина, различие со-

стоит в том, что «образование нацелено на подготовку человека к конкретной профессиональной деятельности, тогда как просветительство формирует общий уровень знаний в обществе вне рамок какой-либо образовательной программы» [6. С. 75]. Просветительская деятельность охватывает более широкий социальный состав (преимущественно взрослых) как на уровне «просвещаемых», так и на уровне «просветителей».

Во многом поэтому к форме организации просветительской деятельности не относятся рабфаки, которые, возникнув в конце 1910-х гг. к началу 1930-х стали массовой ступенью рабоче-крестьянской молодежи в высшую школу. С точки зрения понятийного аппарата данного периода рабфаки, безусловно, были формой просвещения, поскольку здесь преимущественно неграмотные или полуграмотные слушатели получали знания. Однако с точки зрения теории «третьей роли» позиционирование рабфаков в качестве формы просвещения наталкивается на следующую проблему. Рабфаки представляли собой курсы, функционирующие при университетах по определенному плану, где слушатели получали базовый уровень знаний, необходимый для обучения по основной учебной программе. Таким образом, данная деятельность не относилась к потребностям обществ «за пределами академической среды»: обучение на рабфаках осуществлялось внутри стен университетов и для нужд университетов, поскольку окончившие курс, как правило, поступали в тот же университет.

Таким образом, мы можем определить просветительскую деятельность как *процесс распространения знаний, навыков, опыта, идей и культурных ценностей, осуществляемый вне рамок образовательных программ*².

Неопределенность понятий «просветительская деятельность» и «просвещение» усложняется разнообразием направлений их реализации: культурное, санитарное, религиозное, идеологическое, политическое, педагогическое, экологическое, половое просвещение и др. Мы предполагаем, что для университетов ведущей являлась научно-просветительская деятельность, выраженная в участии их в процессе популяризации научных результатов для широких народных масс. При этом университеты в силу универсальности концентрировавшихся здесь знаний могли вести просветительскую деятельность сразу в нескольких направлениях.

Мы также солидарны с исследователями, утверждающими, что потребность общества в просвещении актуализируется на определенных исторических этапах в ситуации «вызова», когда «творческое меньшинство» ощущает необходимость привлечь внимание широких слоев населения к какой-либо идее и / или проблеме, которую необходимо разъяснить, а население привлечь к решению данной проблемы [8. С. 135–136]. В результатах исследования мы покажем, как данная потребность была выражена в советском просветительском проекте.

Специфика дореволюционной и советской систем просвещения и место университета в ней

Исторически просветительская деятельность была одним из первых видов общественной деятельности

российских университетов. Первые университеты (Московский, Казанский, Харьковский, Дерптский), будучи центрами издания и торговли книгами, формировали книжную культуру городских слоев населения, а профессора и преподаватели организовывали мероприятия, открытые для широкой публики (лекции, диспуты, защиты диссертационных работ и т.д.). Уже в начале XIX в. университеты стали допускать широкую публику в свои библиотеки, а университетская периодическая печать способствовала развитию общественной и экономической жизни в городах Российской империи [9]. Просветителями на локальном уровне становились впоследствии и выпускники классических университетов [10. С. 640].

Университеты, конечно, не были единственным институтом просвещения. До революции доминирующее положение (не без поддержки правительства) занимало религиозное просвещение, осуществляемое на уровне церковно-приходских школ. Начиная с 1860–1870-х гг. страну постепенно охватывала сеть земского просвещения. Большую роль сыграли культурно-просветительские общества, которые на основе сформированных комитетов грамотности создавали различные формы организации просветительской деятельности: воскресные школы, народные читальни, училища, учительские школы [11. С. 125–128]. Во второй половине XIX – начале XX в. возникли народные университеты, осуществлявшие как учебную, так и просветительскую деятельность [12]. В системе Министерства народного просвещения помимо высших учебных заведений функции просвещения населения выполняли, например, библиотеки и музеи. В результате просветительская деятельность университетов в дореволюционный период охватывала сравнительно небольшое число людей (преимущественно жителей городов, где располагались университеты). Несмотря на то, что по мере расширения университетской сети и демократизации общества это число увеличивалось, появлялись новые формы и практики реализации «третьей роли», существенного сдвига в просветительской деятельности в сторону ее массовизации так и не произошло.

Особенностью просвещения дореволюционных университетов являлось отсутствие институционализации на формально-нормативном уровне и «внешней» регуляции. Правительство Российской империи никак не поощряло, но и не ограничивало данную деятельность, если она не посягала на сложившиеся устои. Поэтому она осуществлялась добровольно на основе личной инициативы профессоров и преподавателей. Это означало отсутствие системности в области просветительской деятельности классических университетов, а для государства – внятной политики в данном вопросе.

Еще одним отличительным признаком было то, что просветительская деятельность имперских классических университетов в отличие от религиозного просвещения носила преимущественно неидеологизированный характер. Всплески патриотизма университетской корпорации приходились в основном на периоды военных конфликтов (русско-японская война, Первая мировая война и т.д.).

Советский просветительский проект в отличие от дореволюционных практик имел совершенно другие приоритеты и задачи. Советская власть не разделяла просвещение и идеологию как две разные сущности: передача информации о научных открытиях и пропаганда достижений советского строя шли параллельно. «Мы не можем, – отмечал В.И. Ленин в 1920 г., – не ставить дело открыто, открыто признавая, вопреки всей старой лжи, что просвещение не может не быть связано с политикой» [13]. В результате одновременно решалось несколько важных для советской власти задач: ликвидация неграмотности и малограмотности, укрепление авторитета советской науки, обеспечение лояльности со стороны населения, формирование новой советской идентичности и т.д.

Культура, по мнению Ш. Фицпатрик, была для большевиков таким же местом революционной борьбы, как политика или экономика, где большевики, сражаясь с буржуазной интеллигенцией, должны были завоевать власть или потерять ее [14. Р. 2]. Одним из ключевых акторов формирования культуры и социализации личности являлся университет, поэтому установление советской власти в России оказало сильное влияние на его развитие. Университеты стали объектом повышенного контроля со стороны государства ввиду огромных возможностей оказания влияния на общество. Начиная с первых лет существования советской власти, шли непрерывные атаки на те немногочисленные элементы автономии университетской корпорации, которые она имела в дореволюционный период. Используя риторику классовой борьбы с буржуазной профессурой, советская власть к началу 1930-х гг. подчинила себе университеты и университетскую корпорацию, подстроив их под свои экономические, культурные и социальные нужды. Университеты стали, с одной стороны, местами конструирования «нового человека» (внутри университета), с другой – «рассадниками» просвещения и советской пропаганды (за пределами университета), между которыми власть никогда не проводила четкой демаркационной линии. Это отражалось, например, на уровне университетского делопроизводства, где мероприятия просветительского и пропагандистско-идеологического характера стояли рядом. Такая потеря университетом собственной субъектности, являющейся, по мысли некоторых современников и исследователей, неотъемлемой частью самого университета как института, позволила одному из них заявить, что советский университет был лишь «пародией на дореволюционный университет» (ТГУ, канд физ.-мат. наук).

Так же, как и в дореволюционный период, университеты в Советской России, а затем и в СССР не являлись монополистами в области просвещения, но представляли собой некий институт в рамках системы. Другими институтами были школа, учебные заведения среднего профессионального образования, высшие учебные заведения (отраслевые вузы и др.), дома культуры, избы-читальни, сельские и колхозные клубы, библиотеки, музеи, народные университеты (до середины 1920-х гг.), различные культурные общества и др. Все они были вовлечены (а для многих это было един-

ственным смыслом существования) в первый масштабный советский просветительский проект – кампанию по ликвидации безграмотности, окончание которой пришлось на начало 1940-х гг. [15]. Постепенно борьба с безграмотностью стала борьбой с малограмотностью населения. При этом кампания имела и национальный ракурс: большие усилия были направлены на осуществление процесса культурного национализма.

В послевоенный период просвещение было институционализировано и стало относительно независимым от образования. В мае 1947 г. возникло Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. – Всесоюзное общество «Знание», далее по тексту – Общество) – крупнейшая в СССР и не имевшая аналогов в мире пропагандистско-просветительская организация. Масштаб деятельности Общества был поистине колоссален. В 1976 г., например, его лекторами было прочитано свыше 24 млн лекций, а издательство «Знание» выпустило 758 наименований книг, журналов, брошюр тиражом около 60 млн экземпляров [16. С. 110]. Именно Общество в дальнейшем стало средоточием всей просветительской деятельности в СССР.

Условия осуществления, цели, формы, характер участия и результаты просветительской деятельности классических советских университетов

В первые годы своего существования советская власть относилась к просветительской деятельности дореволюционной интеллигенции благосклонно, что во многом обусловило преемственность между дореволюционными и советскими практиками просвещения и, в частности, популяризации науки. И интеллигенция, и советская власть были убеждены в том, что достижения науки необходимо сделать достоянием широких народных масс [17. С. 325]. Более того, общим между большевистской партией и интеллигенцией было то, что обе эти группы разделяли представление о культуре как о чем-то, что (подобно революции) «просвещенное меньшинство» несет массам, чтобы возвысить их [14. Р. 5]. Этот «пафос просвещения» проистекал из развитого чувства исторической миссии и морального превосходства, присущего обеим социальным группам. Для интеллигенции оно выражалось в осознании своей миссии служения народу, позиционирования себя в качестве критика и совести государства. Для большевиков оно проистекало из марксистской теории и чувства отождествления с силами истории. Именно активная деятельность интеллигенции в первые годы советской власти позволила Дж.Т. Эндрюсу охарактеризовать советскую культуру как «научно-популярную» по своей сути [18. Р. 6].

Во многом поэтому просветительские инициативы профессоров и преподавателей университетов даже в период Гражданской войны не встречали какого бы то ни было сопротивления. Так, уже весной 1918 г. при Петроградском университете были организованы общедоступные (плата составляла 1 рубль) университет-

ские курсы, которые читали известные профессора С.Ф. Платонов, И.М. Гревс, Н.И. Кареев, А.Е. Пресняков, М.Д. Приселков и др. Организатором этих лекций стала «Свободная Ассоциация для развития и распространения положительных наук», созданная летом 1917 г. Одной из ее задач было «распространение научных знаний в широких народных массах и прежде всего в рабочих группах как наиболее в этом нуждающихся» [19. С. 144].

Через год при университете был создан Отдел передвижных народных курсов под руководством профессора астрономии С.П. Глазенапа. С лекциями просветительского характера ученые выезжали в Новгород, Псков, Лугу, Череповец, Вологду и др. Лекции читали известные университетские профессора: А.А. Боголепов, Н.А. Булгаков, Н.М. Гюнтер, Д.И. Дейнека, В.А. Догель и др. [20. С. 286]. Вскоре к работе отдела присоединились представители практически всех высших учебных заведений Петрограда. Профессора и преподаватели университета читали эпизодические и систематические циклы лекций в местных университетах, учительских институтах, техникумах, на педагогических курсах и для широких масс населения. Просьбы о прочтении лекций поступали как из молодых университетов (Ярославль, Симбирск, Ташкент), так и из созданных до революции (Томск, Саратов). Постоянным «заказчиком» являлись университет Красной Армии им. Н.Г. Толмачева, военные части Кронштадта, Нового Петергофа, Западного фронта и др. За год своей работы в разных городах страны было прочитано около 2 тысяч лекций, в чтении которых были задействованы около ста лекторов.

Стоит отметить, что просветительская деятельность университетской корпорации в период Гражданской войны осуществлялась отнюдь не безвозмездно, причем материальная сторона дела стояла порой на первом месте. С.З. Мандель приводит высказывание известного профессора русской истории С.Ф. Платнова, объясняющего свой отказ поехать читать в Лугу: «То же вознаграждение по “тарифу” можно получить на месте жительства! Кроме того, подчинить себя низкому тарифу для просвещения плебса, который все взял у интеллигенции, я считаю для себя необязательным нравственно...» [19. С. 145]. В определенной степени этот случай можно объяснить чрезвычайно трудными условиями положения корпорации в годы Гражданской войны, а также негативным отношением профессуры к советской власти и ее политике.

Распространенной практикой, ввиду нехватки кадров и увеличившихся запросов населения, стала координация усилий между университетами. Так в сентябре 1920 г. состоялся общий съезд ученых Казанского, Самарского, Саратовского, Костромского и Ярославского университетов. Делегаты съезда пришли к решению об обмене преподавателями для чтения курсов и студентами – для углубления знаний, а о также совместной пропаганде среди широких слоев населения [21. С. 285–286].

Советская власть закрепила распространение научных знаний «среди широких пролетарских и крестьянских масс» в Декрете о высших учебных заведениях

РСФСР от 2 сентября 1921 г. – фактически первом типовом уставе высшей школы при новой власти [22]. Эта цель стояла перед вузами на третьем месте (после создания кадров специалистов и подготовки кадров аспирантуры и научных сотрудников). Функции обучения и просвещения, таким образом, были закреплены за советскими вузами раньше, чем производство научных исследований. Отметим, что популяризация научных достижений являлась неотъемлемой задачей высших учебных заведений во всех последующих типовых уставах и положениях.

Изменилась тематика научно-популярных лекций. В 1920-е гг. она, с одной стороны, формировалась под влиянием установки власти на рационализацию и укрепление материалистического мировоззрения населения, с другой стороны, отражала государственные приоритеты, такие как план ГОЭЛРО по электрификации страны [23. Р. 96–97]. Поэтому в начале 1920-х гг. в ТГУ профессор А.П. Поспелов читал лекции на тему «Что такое электрификация РСФСР, ее задачи и будущность», профессор А.А. Кулябко – цикл лекций для студентов и учащихся средних школ о научной организации умственного труда, профессор Б.П. Вейнберг – лекцию «Есть ли предел материальному прогрессу человечества» [24. С. 64].

Просветительская работа по-прежнему велась на базе научно-вспомогательных подразделений университетов: научных библиотек, гербариев и ботанических садов, музеев и т.д. Этнолого-археологический музей ТГУ в середине 1920-х гг. за три года посетили около 90 тысяч человек [25].

Возникли и новые инструменты популяризации знаний. С 1927 г. научные работники Ленинградского университета, например, приступили к систематическому чтению лекций по радио. В 1931 г. при ЛГУ был создан массовый сектор, преобразованный позже в Отдел массовой работы, ставивший своей задачей популяризацию научных знаний среди широких масс трудящихся.

В 1920-е гг. при государственных университетах на новых началах были воссозданы воскресные университеты, где читались лекции по различным вопросам науки и техники, истории, медицине и международной политике. При Московском университете Воскресный университет был образован 14 ноября 1926 г. Занятия в нем, как можно догадаться, проходили по воскресеньям. За 1926/1927 учебный год было прочитано 70 лекций, число слушателей составило около 15 тысяч человек. Кроме того, Воскресный университет организовывал выезды лекторов в казармы Московского гарнизона, районные и фабрично-заводские клубы и т.д. К 1929 г. лекции превратились в устойчивые двухгодичные курсы по циклам «Советское право», «История и литература», «Естествознание», «Медицина» [26].

Практика организации воскресных университетов в 1920-е гг., однако, не стала повсеместной. В Томском госуниверситете Воскресный университет был открыт лишь в период Великой Отечественной войны (весной 1942 г.). Его посещали студенты и преподаватели вузов Томска, а также рабочие и служащие предприятий и организаций города. Здесь читались лекции по раз-

личным вопросам науки и техники, истории и международной политики. Одной из главных была тема воспитания патриотизма. В среднем их посещали от 25 до 70 человек. Ежегодно в Воскресном университете читалось около 20 лекций [27. С. 229].

В 1930-е гг. при университетах были образованы лектории, что было закреплено на уровне университетских уставов. В уставе МГУ (1939), например, указывались как задачи лектория («пропаганда достижений передовой науки и техники, содействие путем лекций идейно-политическому воспитанию трудящихся на основе марксизма-ленинизма; популяризация основ знаний отдельных разделов политики, экономики, литературы и искусства»), целевая группа, на которую направлена деятельность («культурно-массовая работа среди широких масс трудящихся»), так и виды его деятельности: шефская работа в частях РККА, цикловые и эпизодические лекции в аудиториях и на фабрично-заводских предприятиях и т.д. [28. С. 394–395]. В уставе отмечалось, что лекторий является хозяйственной организацией, что, по-видимому, означало, что лекции уже в тот период читались за материальное вознаграждение.

Лектории развернули широкую деятельность. Например, в лектории Томского госуниверситета каждый год прочитывалось около 30 лекций на разнообразные темы (как правило, относящиеся к научной специализации лектора): профессор В.Н. Кессених читал лекцию на тему «Переменные токи в исследованиях металлов и в геологических разведках», профессор П.С. Тартаковский – «О некоторых проблемах квантовой механики», профессор Б.П. Токин – «Дарвин и его учение» и т. д. [24. С. 65]. Лекции пользовались большим интересом среди молодежи города, порой они проходили в переполненных аудиториях.

Одно из первых лекционных бюро было организовано в 1929/1930 учебном году при Казанском университете. В его состав вошли лучшие научные работники, а затем и аспиранты. Тематика лекций, в отличие от периода 1920-х гг., определялась преимущественно государственным заказом. Так, например, в первый год деятельности были прочитаны лекции на темы: «Марксистско-ленинское учение о государстве», «Марксизм и национальный вопрос», «Пятилетка промышленности», «Очередные вопросы просвещения СССР» и т.д. Лекции читались на русском и татарском языках, в городе и сельской местности. Постоянными слушателями лекций были преподаватели средних школ Казани. Среди студентов особой популярностью пользовались лекции по истории литературы и музыки, которые сопровождалась музыкальными иллюстрациями [29. С. 211].

В 1920–1930-е гг. лектории, по-видимому, не являлись формой просвещения, широко институционализированной при университетах. Например, в Ленинградском университете лекторий был создан лишь в годы Великой Отечественной войны, но затем продолжил свою работу в послевоенное время [19. С. 150].

Работа лекториев отражала текущее состояние знаний в СССР. Уже в период «развитого социализма», в 1978/1979 учебном году, лекторами МГУ было пред-

ложено для публичного чтения 25 тем, в том числе «Теория массового обслуживания», «Особенности, бифуркации и катастрофы», «Проблемы современной психологии», «Вычислительные машины и их использование», «Современные проблемы цитологии, генетики и биоорганической химии» и др. Как видно из тем лекций, по мере развития наук и повышения грамотности населения менялась и их тематика в сторону более актуальных научных проблем.

Преподаватели университетов были организаторами и играли активную роль в работе созданного в мае 1947 г. Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Классические университеты стали инициаторами создания первых отделений Общества в стране. Известные профессора возглавляли отделения, первичные организации и секции Общества, сеть которых начала образовываться в конце 1940-х гг. по всему СССР [30. С. 50]. 23 мая 1947 г. оргкомитет Общества принял МГУ в члены-учредители. Спустя четыре дня, 27 мая 1947 г., было образовано Казанское отделение Общества. Примерно в это же время приглашение на вступление в ряды Общества от имени академика С.И. Вавилова было выслано руководством Томского госуниверситета, на что был дан положительный ответ [31. Д. 1. Л. 151–152]. В состав оргкомитета по организации томского отделения Общества вошли профессор ТГУ В.Д. Кузнецов и М.А. Большанина, доцент К.А. Водопьянов.

Именно в высшей школе были сосредоточены наиболее квалифицированные кадры, способные к прочтению информативных и увлекательных лекций, написанию познавательных научно-популярных трудов.

В первичную организацию Общества «Знание» при МГУ в 1972 г. входило около 2 500 человек, в то время как в университете на естественных и гуманитарных факультетах работали 4 265 сотрудников [32]. В работе отделения участвовали 25 академиков и 22 члена-корреспондента АН СССР, 387 докторов наук и профессоров, более 1 300 ассистентов, старших преподавателей и доцентов, 391 аспирант и 139 студентов. С 1970 по 1972 г. преподавателями, сотрудниками и студентами МГУ было прочитано 22 576 лекций. Местами выступления стали предприятия, школы, военные и гражданские организации Москвы и Московской области, многие города страны, а также зарубежье [32].

Востребована была деятельность преподавателей Томского университета. «Активно работало общество “Знание”. Нас все время просили читать лекции там-сям. Перед выборами особенно. Особенно конституционный процесс в 77-м (кампания перед принятием Конституции СССР 1977 г. – В.Р.)» (ТГУ, канд. юрид. наук). «Общество “Знание” работало. Постоянно лекции в институте совершенствования учителей. Мы как историки все время были задействованы в разного рода просветительской работе, выступления среди пионеров, комсомольцев, школьников» (ТГУ, д-р. ист. наук).

На позднем этапе деятельности Общества роль университетов в его работе была, прежде всего, «качественной», но не «количественной». Это обуславливалось процессом вымывания высококвалифицированных кадров из вузов и научных учреждений более широкой

прослойкой советской интеллигенции. Косвенно мы можем определить это по следующим цифрам: если в 1948 г. 74% членов общества составляли ученые (сотрудники академических институтов и отраслевых НИИ, доктора и кандидаты наук, работающие в высшей школе и др.), то в 1977 г. этот показатель опустился до 5,5%. Самой многочисленной социальной группой в Обществе стали не академики и профессора, как это было на заре его становления, а школьные учителя, врачи, инженеры и агрономы.

Политика массовизации Общества «Знание» возвращает нас к проблеме добровольности участия профессоров и преподавателей в реализации «третьей роли». Согласно положениям о вузах 1961 и 1969 гг. профессорско-преподавательский и научный состав высшего учебного заведения был обязан «распространять научные и политические знания среди населения» [33, 34]. Мнения же респондентов по этому поводу разделились. Один из них, настроенный скептически в отношении к советской идеологии, отмечал: «Это была обязанка. Нам вписали это, поэтому я занимался» (ТГУ, канд. физ.-мат. наук). Но большая часть респондентов свидетельствует о более органичной работе по линии Общества: «Я, когда начинал работать, даже куда-то в район выезжал, там тоже просвещал. [Это] по желанию было, никто особо не принуждал» (СГУ, д-р ист. наук).

Другой проблемой, отчасти вытекающей из предыдущей, была проблема характера деятельности профессоров и преподавателей в рамках Общества «Знание». Безвозмездность той или иной деятельности не может являться «фильтром» для определения «третьей роли». Университетская корпорация, как правило, всегда получала вознаграждение в рамках своей деятельности материального и / или нематериального характера (будь то моральное удовлетворение, общественное признание или учет общественной нагрузки в индивидуальном плане). Однако в СССР в период существования Общества как массовой организации распространения стала практика заработка на прочитанных лекциях. Один из респондентов вспомнил: «У нас один доцент, Василий Владимирович, он говорил: “интеллигент в поиске десятик”» (десяти рублей, выплачиваемых лектору Общества в качестве гонорара. – В.Р.) (СГУ, д-р ист. наук). И поскольку лишь 2/3 лекций являлись платными, а треть – шефскими (бесплатным), лекторы нередко отказывались выезжать на подшефные территории и выполнять свою общественную роль. В 1949 г. из 53 профессоров, состоявших в региональной организации Томской области, лишь 5 «эпизодически» выезжали в сельскую местность [31. Д. 9. Л. 10]. Д.А. Пинаева, изучавшая кейс Татарской АССР, приводит массу таких примеров про казанских лекторов [16. С. 113].

Особое положение в системе советского просвещения стали играть народные университеты. Начиная с 1950-х гг. они создавались Обществом «Знание», профильными ведомствами (министерства образования, здравоохранения, культуры и др.), творческими союзами и профсоюзами и др. По наименованию они являлись преемниками народных университетов дореволюционного периода, однако имели свою специфику³.

Функции советских народных университетов были более разнообразными и включали не только просвещение населения, популяризацию науки, военно-патриотическое воспитание, но и повышение квалификации. Более дифференцированными они были и по своей специализации (от общественно-политических до физических и даже сугубо прикладных) и по времени обучения (от 1 до 3 лет). Число народных университетов и их слушателей росло так же стремительно, как и в случае с Обществом «Знание». Если в 1961 г. в СССР работало 6 357 народных университетов с числом слушателей почти 1,5 млн человек, то к 1969 г. число университетов достигло 15 788, они охватили около 3,2 млн человек [35. С. 351]⁴. К 1980 г. на тысячу человек взрослого населения Татарстана приходилось 48 слушателей народных университетов [36. С. 167].

Большую роль в организации и деятельности народных университетов сыграли университеты классические. Так, в 1959 г. преподаватели гуманитарных факультетов участвовали в организации университета культуры (как одного из народных университетов) для строителей МГУ. В 1960 г. студенты философского факультета МГУ совместно со студентами Института восточных языков организовали народный университет иностранных языков. В 1961 г. по инициативе юридического факультета МГУ и Московского городского отделения Общества по распространению политических и научных знаний был организован Московский городской народный университет правовых знаний. А в 1971 г. при парткоме МГУ был открыт Народный университет в составе факультетов конкретной экономики (86 слушателей) и коммунистического воспитания (50 слушателей) [32].

В Томской области первые народные университеты (здоровья, знаний о природе и ее охране, правовых знаний и др.) возникли в 1960 г. К 1972 г. в Томской области работало 85 народных университетов (из них в Томске – 35) в которых занималось 32 тыс. слушателей.

Видное место в их работе принимали ученые Томского университета: первыми руководителями народного университета правовых знаний были доцент В.Н. Петров, профессор В.Н. Щеглов, затем доцент И.В. Фёдоров [31. Д. 593. Л. 14.]. Ректором народного университета знаний о природе и ее охране являлся профессор ТГУ И.П. Лаптев. Профессор ТГУ Б.Г. Иоганзен был деканом радиофакультета, на котором проводились научно-популярные передачи.

Лекции представители университетов читали не только в самом городе, но и в области. Так, профессор историко-филологического факультета ТГУ И.М. Разгон, преподаватели Л.Г. Сухотина, В.А. Соловьева, Г.Х. Рабинович и другие читали лекции в народном университете культуры с. Бакчар [31. Д. 206. Л. 3]. В Асино и Колпашево работали профессора И.П. Лаптев, Н.Ф. Тюменцев, Б.Г. Иоганзен и др.

Заключение

Просветительская деятельность имперских и советских университетов характеризуется во многом противоположными чертами. Имперские университеты имели

достаточно узкий охват слушателей, в материалах лекторов практически отсутствовала идеологизация, а участие в просвещении населения было добровольным. Советские же университеты ориентировались на массовую аудиторию, сочетали на уровне целей популяризацию знаний и пропаганду социализма, участие же в деятельности для профессорско-преподавательского состава было обязательным. Последний признак, будучи вписанным в уставы университетов (с 1921 г.), является дискуссионным, на что указывает хозрасчетный характер чтения популярных лекций. Изучение ценностной стороны просветительской деятельности в условиях ограниченной субъектности университетов также представляет собой достаточно перспективную научную тематику.

В отличие от безразличия со стороны власти в имперский период, просвещение населения в Советской России стало важным государственным делом. Организацией частью новой системы стали университеты, где просветительская деятельность как вид практики была институционализована уже в первом типовом уставе. Несмотря на это формы, в которых осуществлялось просвещение населения, были достаточно «шаблонными» для всех классических университетов:

лектории, воскресные университеты, ячейки общества «Знание» и, наконец, народные университеты. Характерно, что университеты не смогли создать собственных уникальных форм просветительской работы, но, начиная с деятельности Общества «Знание», функционировали в рамках общесоюзных. В результате формы просвещения как вид деятельности в рамках «третьей роли» предстают достаточно безликими. Исследование качественной стороны просветительской деятельности, равно как и тематики самих лекций, является темой для самостоятельной научной работы.

Перспективным представляется и дальнейшее выявление результатов просвещения населения советскими классическими университетами. Настоящее исследование позволило нам привести лишь некоторые неполные результаты работы. Однако уже сейчас можно констатировать, что советские университеты являлись непререкаемыми и активными участниками просветительской деятельности, живо откликались на все запросы со стороны власти в самые тяжелые и кризисные периоды истории (Гражданская война, Великая Отечественная война) и «шли в ногу» с институционализацией просвещения в СССР (Общество «Знание»).

Примечания

¹ Наиболее близким по задумке к заявленной проблематике является исследование, в котором была изучена просветительская деятельность Лесосибирского педагогического института в 1940–1980-е гг. [2].

² Используемое нами понятие является близким к официально принятому в законодательстве Российской Федерации [7].

³ В первые годы советская власть благосклонно относилась к народным университетам. На VIII съезде РКП(б) в 1919 г. в программу партии был включен пункт о всесторонней государственной помощи народным университетам как одной из форм внешкольного образования, «самообразования и саморазвития рабочих и крестьян». Несмотря на это, большинство народных университетов в 1920-е гг. было закрыто.

⁴ Читателя не должно смущать столь большое число учреждений подобного типа. Большинство университетов представляло собой одногодичные курсы просвещения и / или повышения квалификации, которые открывались и закрывались тысячами в год. Это давало возможность на местном уровне успешно отчитываться об увеличении показателей роста народного образования.

Список источников

- Zomer A., Benneworth P. The Rise of the University's Third Mission // Reform of Higher Education in Europe. Rotterdam : Sense Publishers, 2011. P. 81–101. DOI: 10.1007/978-94-6091-555-0_6 URL: https://www.researchgate.net/publication/225213282_The_Rise_of_the_University's_Third_Mission
- Лобанова О.В., Шмульская Л.С., Плеханова Е.М., Цыганкова В.А. Просветительские практики преподавателей советской высшей школы и их вклад в развитие регионального образовательного пространства // Преподаватель XXI век. 2025. № 2, ч. 2. С. 227–239.
- Чеха В.В. Просветительская и образовательная деятельность: перспективы взаимодействия // Наука и школа. 2025. № 2. С. 101–111.
- Макаренко А.С. Народное просвещение в СССР // Макаренко А.С. Педагогические сочинения : в 8 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 4. URL: http://az.lib.ru/m/makarenko_a_s/text_1937_narodnoe_obrazovanie_v_ssr.shtml
- Чеха В.В. Просветительская деятельность: правовые и организационные аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 1. С. 198–210.
- Пычин О.Н. Исторический опыт советского просветительства в перспективах развития России // Вестник российского государственного аграрного заочного университета. 2018. № 30 (35). С. 74–80.
- Суязов В.В., Юдина М.И. Просветительская деятельность // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. 2024. 25 марта. URL: <https://bigenc.ru/c/prosvetitel-skaia-deiatel-nost-3c9e31>
- Симбирцева Н.А., Чельшева И.В. Просветительская деятельность: структурно-содержательный анализ понятия в отечественной традиции // Педагогический журнал Башкортостана. 2020. № 4-5. С. 127–140.
- Грибовский М.В., Андреев А.Ю., Вахитов Р.Р. и др. Российские университеты XVIII–XXI веков : разрывы и преемственность / под ред. М.В. Грибовского. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2025. 456 с.
- Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М. : РОССПЭН, 2012. 671 с.
- Попов Д.И. Консолидация общественных сил в России в области культурно-просветительной деятельности в 1860–1880-х гг. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2015. № 2 (6). С. 122–131.
- Фандо Р.А. Народные университеты Российской Империи: от популяризации к организации науки. М. : Янус-К, 2020. 344 с.
- Ленин В.И. Речь на всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Москва : Госполитиздат, 1963. Т. 41. URL: <https://leninism.su/works/80-tom-41/1234-rechna-vserossijskom-soveshhanii-politprosvetov-gubernskix-i-uezdnyx-otdelov-narodnogo-obrazovaniya-3-noyabrya-1920-g.html>
- Fitzpatrick S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Cornell University Press, 1992. 265 p.
- Глушенко И.В. Советский просветительский проект: ликвидация неграмотности среди взрослых в 1920–1930-е годы // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 246–282.
- Пинаева Д.А. «Помни: нужно много знать, чтобы стране полезным стать!»: о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного Общества «Знание») // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. 108–118.
- Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М. : РГГУ, 2020. 469 с.

18. Andrews J.T. *Science for the masses: The Bolshevik state, public science, and the popular imagination in Soviet Russia, 1917–1934*. College Station : Texas A&M University Press, 2003. 234 p.
19. Мандель С.З. Культурно-просветительская деятельность ученых Петроградского университета в первые годы советской власти // *Очерки по истории Ленинградского университета*. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. Вып. 1. С. 140–158.
20. Санкт-Петербургский государственный университет, 275 лет : летопись, 1724–1999 / под ред. Л.А. Вербицкой. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 424 с.
21. Исаков А.П. Летопись Казанского государственного университета : история в фактах, подтвержденных документами : в 2 т. Казань ; Лондон : МИАН, 2004. Т. 1: 1804–1945. 488 с.
22. О высших учебных заведениях РСФСР (положение) : Декрет Совета Народных Комиссаров от 2 сентября 1921 года // *Электронная библиотека исторических документов*. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350577-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-o-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-r-s-f-s-r-polozhenie-2-sentyabrya-1921-goda>
23. Banerjee A. *We modern people: Science fiction and the making of Russian modernity*. Middletown : Wesleyan University Press, 2012. VIII, 206 p.
24. Литвинов А.В. Образование и наука в Томском государственном университете в 20–30-е гг. XX в. / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. 156 с.
25. МАЭС ТГУ: 140 лет в истории Сибири // Факультет исторических и политических наук ТГУ. 2022. 12 дек. URL: <https://vk.com/@tsu.fipn-maes-tgu-140-let-v-istorii-sibiri>
26. Воскресный университет МГУ // ВКонтакте : МГУ имени М.В. Ломоносова. 2024. 6 окт. URL: https://vk.com/wall-78019879_49473
27. Томский университет. 1880–1980 : очерк истории и деятельности / отв. ред. М. Е. Плотнокова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 432 с.
28. Уставы Московского университета, 1755–2005 / авт.-сост. Е.И. Гена. М. : Имперіум Пресс, 2005. 480 с.
29. История Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина (материалы к обсуждению) / под общ. ред. Д.Я. Мартынова. Казань, 1954. 367 с.
30. Пинаева Д.А. Организация пропагандистско-просветительской работы в советской России в 1940–1950 гг. (на примере деятельности татарской республиканской организации Общества «Знание») // *Казанская наука*. 2013. № 9. С. 48–51.
31. ГАТО. Ф. Р-1603. Оп. 1.
32. Летопись Московского университета. URL: <http://letopis.msu.ru/>
33. Положение о высших учебных заведениях СССР от 21.03.1961 // *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. URL: <https://docs.cntd.ru/DOCUMENT/9053534>
34. Положение о высших учебных заведениях СССР № 64 от 22.01.1969 // *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765710565>
35. Народное образование, наука и культура в СССР : стат. сборник. М. : Статистика, 1971. 402 с.
36. Пинаева Д.А. Народные университеты в системе непрерывного образования советских граждан в 1970–1980 гг. (на примере Татарской АССР) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 1. С. 164–169.

References

1. Zomer, A. & Bennenworth, P. (2011) *The Rise of the University's Third Mission*. In: *Reform of Higher Education in Europe*. Rotterdam: Sense Publishers. pp. 81–101. doi: 10.1007/978-94-6091-555-0_6
2. Lobanova, O.V., Shmul'skaya, L.S., Plekhanova, E.M. & Tsygankova, V.A. (2025) *Prosvetitel'skie praktiki prepodavateley sovetskoy vysshey shkoly i ikh vklad v razvitiye regional'nogo obrazovatel'nogo prostranstva* [Educational Practices of Soviet Higher School Teachers and Their Contribution to the Development of the Regional Educational Space]. *Prepoda-vatel' XXI vek*. 2(2). pp. 227–239.
3. Chekha, V.V. (2025) *Prosvetitel'skaya i obrazovatel'naya deyatel'nost': perspektivy vzaimodeystviya* [Enlightenment and Educational Activities: Prospects for Interaction]. *Nauka i shkola*. 2. pp. 101–111.
4. Makarenko, A.S. (1984) *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical Works]. Vol. 4. Moscow: Pedagogika.
5. Chekha, V.V. (2023) *Prosvetitel'skaya deyatel'nost': pravovye i organizatsionnye aspekty* [Enlightenment Activities: Legal and Organizational Aspects]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. 18(1). pp. 198–210.
6. Pychin, O.N. (2018) *Istoricheskiy opyt sovetskogo prosvetitel'stva v perspektivakh razvitiya Rossii* [Historical Experience of Soviet Enlightenment in the Development Prospects of Russia]. *Vestnik rossiyskogo gosudarstvennogo agrarnogo zaochnogo universiteta*. 30(35). pp. 74–80.
7. Suyazov, V.V. & Yudina, M.I. (2024) *Prosvetitel'skaya deyatel'nost'* [Enlightenment Activities]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: nauchno-obrazovatel'nyy portal*. 25th March [Online]. Available from: <https://bigenc.ru/c/prosvetitel-skaia-deiatel-nost-3c9e31> (Accessed: 17th March 2025).
8. Simbirtseva, N.A. & Chelysheva, I.V. (2020) *Prosvetitel'skaya deyatel'nost': strukturno-soderzhatel'nyy analiz ponyatiya v otechestvennoy traditsii* [Enlightenment Activities: A Structural and Substantive Analysis of the Concept in the Russian Tradition]. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana*. 4–5. pp. 127–140.
9. Gribovskiy, M.V., Andreev, A.Yu., Vakhitov, R.R. et al. (2025) *Rossiyskie universitety XVIII–XXI vekov: razryvy i preemstvennost'* [Russian Universities of the 18th–21st Centuries: Ruptures and Continuity]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Andreev, A.Yu. & Posokhov, S.I. (eds) (2012) *Universitet v Rossiyskoy imperii XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [The University in the Russian Empire of the 18th – First Half of the 19th Century]. Moscow: ROSSPEN.
11. Popov, D.I. (2015) *Konsolidatsiya obshchestvennykh sil v Rossii v oblasti kul'turno-prosvetitel'noy deyatel'nosti v 1860–1880-kh gg.* [Consolidation of Social Forces in Russia in the Field of Cultural and Educational Activities in the 1860s–1880s]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*. 2(6). pp. 122–131.
12. Fando, R.A. (2020) *Narodnye universitety Rossiyskoy Imperii: ot populyarizatsii k organizatsii nauki* [People's Universities of the Russian Empire: From Popularization to the Organization of Science]. Moscow: Yanus-K.
13. Lenin, V.I. (1963) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 41. Moscow: Gospolitizdat.
14. Fitzpatrick, S. (1992) *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Cornell University Press.
15. Glushchenko, I.V. (2015) *Sovetskiy prosvetitel'skiy proyekt: likvidatsiya negramotnosti sredi vzroslykh v 1920–1930-e gody* [The Soviet Educational Project: Elimination of Illiteracy among Adults in the 1920s–1930s]. *Voprosy obrazovaniya*. 3. pp. 246–282.
16. Pinaeva, D.A. (2017) *Remember: you have to know much to be useful to your homeland!": Some problems of the popularization of science in the USSR (a case study of the activities of the All-Union Society "Znanie")*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 108–118. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/420/15
17. Dolgova, E.A. (2020) *Rozhdenie sovetskoy nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
18. Andrews, J.T. (2003) *Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934*. College Station: Texas A&M University Press.
19. Mandel, S.Z. (1962) *Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' uchenykh Petrogradskogo universiteta v pervyye gody sovetskoy vlasti* [Cultural and Educational Activities of Scientists of Petrograd University in the First Years of Soviet Power]. In: *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta* [Essays on the History of Leningrad University]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University. pp. 140–158.

20. Verbitskaya, L.A. (ed.) (1999) *Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 275 let: letopis', 1724–1999* [St. Petersburg State University, 275 Years: Chronicle, 1724–1999]. St. Petersburg: St. Petersburg University.
21. Isakov, A.P. (2004) *Letopis' Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta: istoriya v faktakh, podverzhennykh dokumentami* [Chronicle of Kazan State University: History in Facts Confirmed by Documents]. Vol. 1. Kazan; London: MIAN.
22. The Council of People's Commissars. (1921) *O vysshikh uchebnykh zavedeniyakh RSFSR (polozhenie): Dekret Soveta Narodnykh Komissarov ot 2 sentyabrya 1921 goda* [On Higher Educational Institutions of the RSFSR (Regulation): Decree of the Council of People's Commissars of September 2, 1921]. [Online] Available from: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350577-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-o-vysshih-uchebykh-zavedeniyah-r-s-f-s-r-polozhenie-2-sentyabrya-1921-goda> (Accessed: 17th March 2025).
23. Banerjee, A. (2012) *We Modern People: Science Fiction and the Making of Russian Modernity*. Middletown: Wesleyan University Press.
24. Litvinov, A.V. (2005) *Obrazovanie i nauka v Tomskom gosudarstvennom universitete v 20–30-e gg. XX v.* [Education and Science at Tomsk State University in the 1920s–30s]. Tomsk: Tomsk State University.
25. *Fakul'tet istoricheskikh i politicheskikh nauk TGU*. (2022) MAES TGU: 140 let v istorii Sibiri [MAES TSU: 140 Years in the History of Siberia]. 12th December. [Online] Available from: <https://vk.com/@tsu.fipn-maes-tgu-140-let-v-istorii-sibiri> (Accessed: 17th March 2025).
26. *Vkontakte: MGU imeni M.V. Lomonosova*. (2024) Voskresnyy universitet MGU [Sunday University of Moscow State University]. 6th October. [Online] Available from: https://vk.com/wall-78019879_49473 (Accessed: 17th March 2025).
27. Plotnikova, M.E. (ed.) (1980) *Tomskiy universitet. 1880–1980: ocherk istorii i deyatel'nosti* [Tomsk University. 1880–1980: An Essay on History and Activity]. Tomsk: Tomsk State University
28. Gena, E.I. (2005) *Ustavy Moskovskogo universiteta, 1755–2005* [Statutes of Moscow University, 1755–2005]. Moscow: Imperium Press.
29. Martynov, D.Ya. (ed.) (1954) *Istoriya Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.I. Ulyanova-Lenina (materialy k obsuzhdeniyu)* [History of Kazan State University Named after V.I. Ulyanov-Lenin (Materials for Discussion)]. Kazan: [s.n.].
30. Pinaeva, D.A. (2013) Organizatsiya propagandistsko-prosvetitel'skoy raboty v sovetskoy Rossii v 1940–1950 gg. (na primere deyatel'nosti tatarskoy respublikanskoj organizatsii Obshchestva "Znaniye") [Organization of Propaganda and Educational Work in Soviet Russia in the 1940s–1950s (on the Example of the Tatar Republican Organization of the "Znanie" Society)]. *Kazanskaya nauka*. 9. pp. 48–51.
31. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-1603. List 1.
32. Anon. (n.d.) *Letopis' Moskovskogo universiteta* [Chronicle of Moscow University]. [Online] Available from: <http://letopis.msu.ru/> (Accessed: 17th March 2025).
33. USSR. (1961) *Polozhenie o vysshikh uchebnykh zavedeniyakh SSSR ot 21.03.1961* [Regulation on Higher Educational Institutions of the USSR of 21.03.1961]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/DOCUMENT/9053534> (Accessed: 17th March 2025).
34. USSR. (1969) *Polozhenie o vysshikh uchebnykh zavedeniyakh SSSR № 64 ot 22.01.1969* [Regulation on Higher Educational Institutions of the USSR No. 64 of 22.01.1969]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/765710565> (Accessed: 17th March 2025).
35. USSR. (1971) *Narodnoe obrazovanie, nauka i kul'tura v SSSR: statisticheskiy sbornik* [Public Education, Science and Culture in the USSR: Statistical Collection]. Moscow: Statistika.
36. Pinaeva, D.A. (2014) Narodnye universitety v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya sovetskikh grazhdan v 1970–1980 gg. (na primere Tatarskoy ASSR) [People's Universities in the System of Continuous Education of Soviet Citizens in the 1970s–1980s (on the Example of the Tatar ASSR)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 1. pp. 164–169.

Сведения об авторе:

Расколец Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: predator-101@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Raskolets Viktor V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at the Problematic Research Laboratory of History, Archeology and Ethnography of Siberia at Tomsk State University, Senior Lecturer at the Department of Russian History at Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 10.11.2025; accepted for publication 21.01.2026